

Время искать № 4 (2001)

Рахель Торпусман (1970) — переводчик. В Израиле 1988 г. Окончила Еврейский университет в Иерусалиме (лингвистика, античная филология). Переводы публиковались в периодических изданиях Иерусалима и Москвы. Живет в Кирьят-Арба.

Рахель Торпусман

НОЧЬ, УТРО, ПЕРЕВОД

Новая книга израильской поэтессы Хамутали Бар-Йосеф называется "Ночь утро" и содержит, помимо оригинальных стихов, переводы из Пушкина, Бодлера, Верлена, Малларме и Ахматовой.

Оригинальные ее стихи представляют собой изысканные верлибры, часто непростые для понимания. Большинство стихов эти печальны и даже трагичны:

Немало лет прожил я рука об руку с жизнью,
И сколько раз нам случалось ссориться с нею!
Теперь мы уже немного притерлись друг к другу,
Но тут-то и приходится расставаться: каждому — в свою сторону.

("Песня старого китайца")

Но в стихах есть и преодоление этой трагичности. Ибо умирающий лист прекрасен ("Подарок"). Ибо душа стареющего человека может быть похожа на ненужную мятую бумагу, а может и таинственно светиться, "словно пергаментный абажур над кроватью ребенка" ("Портрет"). Ибо от ночного страха смерти (стихотворение "Против мрака") спасает "палочка миндального дерева" (не та ли, что являлась в видении пророку Иеремии?). Ибо вслед за ночью, в полном соответствии с названием книги, приходит рассвет ("Вот и пришло утро..."). А сама смерть в двух стихотворениях ("Пробуждение" и "Если встанешь на вершине горы...") оказывается — по-видимому — превращением в соляной столп

который может сесть птица и снести яйцо — и вылупится "хрупкий птенец, ущий милосердия".

Так то, что противопоставит смерти, — то есть бессмертие, — воплощается, с одной стороны, в детях и птенцах, а с другой стороны, в явных и скрытых реминисценциях из Книги книг.

Переводы, на наш взгляд, заслуживают особого внимания. В них бережно ранены экспрессия и ясность подлинников, богатство стили и богатство мысли. Они написаны языком высоким, но живым и ясным — в отличие от многих классических ивритских переводов, язык которых часто высокопарен и архаичен, а то и очень труден для понимания.

Эти переводы можно назвать экспериментальными в их отношении к размеру подлинника. В отличие от классических переводов, где размер подлинника соблюдался безукоризненно, Хамуталь Бар-Йосеф нередко меняет такие параметры, как длина строки или характер рифмовки, и, как правило, не придерживается строгого стихотворного размера. Для русского читателя это непривычно может показаться небрежностью. Но это не небрежность, а осознанный выбор; чтобы оценить его, нужно вспомнить те традиции, на фоне которых создаются ее переводы.

Русская поэзия XIX века — почти исключительно чистая силлабо-тоника, не ускользающая отклонений от заданного размера. (Так, "Лесного царя" с его метрическим ритмом — "Wer reitet so spät durch Nacht und Wind?" — Жуковский евел правильным амфибрахией.) Пушкин — ярчайшее воплощение этой силлабо-тоники, и это та классика, на которой воспитан поэтический слух читателя. XX века, от Брюсова до Бродского, расшатывали классическую метрику, являя в стихе лишь тонический рисунок ("Зло существует, чтоб с ним бороться, а не взвешивать в коромысле" — каким размером это написано?), и все силлабо-тоника оставалась и остается основой русского стиха.

Ивритская поэзия первой половины XX века создавалась в основном по образцу подобно русской классике. Когда Владимир Жаботинский, Рахель (Блуэйн), Натан Альтерман, Лея Гольдберг писали на иврите, камертоном для них были русские стихи. Даже Бялик, выросший в мире иешив и поздно освоивший ивритский язык, опирался на русскую поэзию, и Пушкин был его святыней. И когда эти поэты обращались к переводам с русского языка, они тщательно заныли ритм оригинала — и переводы их были настолько близки к подлиннику, что порою даже сохранялись рифмы, так что можно, забавы ради, начав строку на языке оригинала, закончить ее на иврите, или наоборот:

Было время — процветала
В мире наша сторона,
Коль йом хаг бейт элоһейну
Нитмалé ме-һаһонá...

У-л' йамим, ке-шоһ һа-дéвер,
Пкод һа-кéвер һа-һидáһ,
А Эдмоңда не покинет
Дженини даже в небесах!

("Пир во время чумы", перевод Авраама Шлэнского)

תמונת בריוסף. לילה, בוקר: שירים ותרומים. חינכי - עץ חנה פייור בן דוד. הוצאת כרמל, ירושלים, 2000. ע' 79.

Однако эта поэзия и эти переводы были, если можно так выразиться, инпортированными. С тех пор выросли поколения израильцев. Изменился ли их поэтический слух? Что такое для них хорошие стихи и хорошие переводы?

Ответ таков: слух современного ивритского читателя значительно менее строг к стихотворному размеру. Другими словами, для современного читателя ивритские стихи не обязаны иметь четкий симлабо-тонический размер или даже тонический рисунок, чтобы быть хорошими стихами. Строгий размер необходим песням, в стихах же он не обязателен (а иногда, видимо, даже кажется излишним и чрезмерно монотонным). Прочти тому несколько (в том числе и заглавную моду на верлибры), но вот, как кажется, основан: канон классической ивритской поэзии, на которой выстраивают израильские, состоит из стихов разных эпох, которые для нынешнего читателя звучат иначе, чем для их авторов.

Блажек писца не на принятом ныне в Израиле сефардском, а на традиционном ашкеназском языке иврита. Поскольку одно из основных различий между ними — сдвиг ударений, это решительнейшим образом сказывается на стихах: изначально они были написаны правильными хоревыми и амфибрахиями, но в современном чтении размер их расшатывается и исчезает. А мощная поэзия остается.

Иеуда Галеви "царь поэтов", живя в арабской Испании, и стихи его созданы по законам арабской поэзии, со сложнейшей системой чередований долгих и кратких гласных. Но узу современного читателя эта система чужда и практически непонятна, а сами стихи понятны и близки:

Анйй бе-мнзрэх ве-анохй бе-сдф маардн —
Эйх эг'андэ эт ашёр охдэ ве-эйх йезрив?

Израильники, изучающие эти стихи, воспринимают их, в этом новом звучании, как образцы. Так сложилась новая поэтическая норма.

Хамуталь Бар-Йосеф родилась в Израиле, и поэзия ее выросла на израильской почве. Она прекрасно владеет русским языком, но не с детства, а выучив его. И там, где приходится выбирать между ритмическим звучанием и четкими выражением мысли поэта, там, где прежние переводчики в жертву сохранению ритма приносили ясность смысла, Бар-Йосеф, исходя из современной поэтической нормы, решительно отказывается от ритма в пользу ясности мысли.

(Но иногда, когда чистота перевода совмещается с формой подлинника, рождаются строки, которыми поэтовидованн бы и израильские классики:

Шпий пел'ит эзёр даїни:	Я почню чудное мгновенье:
Пин" бж муай нофалг ат —	Передо мной явилась ты —
Халом талор ке-хереш айн,	Как мимолетное виденье,
Камидт на-йифи на-мухадт.	Как гений чистой красоты.)

К досадным недостаткам книги относятся две-три ошибки в переводах Пушкина. Странным может показаться также сам выбор ранних и малоизвестных его стихов, но здесь единственный закон — воли переводчика.

Главной же удачей книги, с которой мы рады поздравить не только Хамуталь Бар-Йосеф, но и ивритскую литературу в целом, представляются переводы из Верлена, и в особенности — перевода "Искуства поэзии": свободные, точные, звучные строки, воплощающие те заветы, которые в них декларируются:

Йелн-на шпрхд гаану'т нефкеру'т,
Мефуздр бе-руах зрехд мецурард,
на-ношев рёах мйнта ве-рёах цювард!
Ве-холь на-ш'бр ну сифру'т.

Выразим надежду, что переводческая работа Хамутали Бар-Йосеф будет продолжаться, и пожелаем ей удачи, а читателям — новых ее книг.

* Возможный русский перевод:

Стихи должны быть авантюрой,
Где дрожь по коже на ветру
И запах леса поутру...
Все прочее — литература.